

В последние дни учитель Тао был крайне расстроен. Дело было не в чем-то другом, а в Цинь Яне, который раньше считался проблемным учеником. Внезапно его оценки пошли вверх, и на всех экзаменах он получал высшие баллы. Теперь он ходил с каменным лицом, выглядел даже более серьезным, чем сам учитель, и ни разу не улыбнулся. Даже отвечая на вопросы, он говорил холодно, и учителю так и хотелось дать ему подзатыльник. Что это за ребенок в таком возрасте — выдает такую крутость? Но, конечно, ударить его он не мог.

А ребенок по имени Хань Цзэ вызывал у учителя еще большее раздражение. В свободное время этот мальчик был всегда с Цинь Янем, не играл с одноклассниками и лишь изредка перекидывался парой слов с теми, с кем был ближе. Однако его оценки были действительно отличными, к тому же он был очень симпатичным, так что при взгляде на него возникало желание забрать его домой и заботиться о нем. Учитель даже боялся, что мальчика могут похитить, и советовал ему быть осторожнее, не уходить с незнакомцами. На что мальчик ответил:

— Если кто-то попытается меня похитить, еще неизвестно, кто кого продаст.

Учитель Тао только ругал себя за то, что вообще завел разговор с этими юными господами. Действительно, сам себе нашел проблемы!

Цинь Янь и Хань Цзэ не обращали внимания на мысли учителя. Сейчас их главной целью было поскорее закончить уроки и вернуться к Старейшине Ван. Сегодня, как они слышали, ремонт должен был завершиться. Они не были там уже несколько дней и с нетерпением хотели увидеть, как все изменилось.

После школы Цинь Янь с Хань Цзэ отправились в усадьбу Ван. Теперь Хань Цзэ переименовал ее в резиденцию Ван, чтобы избежать лишних разговоров и не навлечь неприятностей на своего деда.

Войдя в усадьбу, они не могли поверить своим глазам. Все изменилось до неузнаваемости. Вместо прежнего запустения теперь здесь были красные стены и зеленая черепица, даже каменные львы у входа были вычищены до блеска. Внутри же были восстановлены беседки и павильоны.

Цинь Янь, видя, как радуется Хань Цзэ, тоже почувствовал себя счастливым. Он тихо спросил:

— Здесь действительно хорошо. Можно мне здесь жить?

Хань Цзэ посмотрел на него, ничего не сказав, но улыбка не сходила с его лица. Цинь Янь внутренне вздохнул с облегчением: надежда есть!

Старейшина Ван, наблюдая за двумя мальчиками, улыбнулся и сказал:

— Ну как? Усадьба хороша?

Хань Цзэ обернулся, кивнул и ответил:

— Дедушка Ван, я не ожидал, что после ремонта она станет такой красивой.

Старейшина Ван кивнул, но в то же время вздохнул:

— В дни былого величия... Но теперь это лишь воспоминания. Прошлое, как дым, горько смотреть на прошлое. Упадок рода Ван — вот что это такое. Хорошо хоть, что мы не опозорили

предков и вернули ей былой облик. Только я все время беспокоюсь: не принесет ли это Хань Цзэ неприятностей?

Мысли Старейшины Вана были просты: он боялся, что власти могут обвинить Хань Цзэ в чем-то серьезном, и тогда юный мальчик окажется в беде. Но, глядя на Хань Цзэ, он думал, что если этот день наступит, он сам встанет на защиту мальчика.

Хань Цзэ и Цинь Янь долго гуляли по саду, пока солнце не начало клониться к закату. Взявшись за руки, они направились обратно. Прощаясь со Старейшиной Ван, они договорились, что завтра, в выходной, Хань Цзэ придет учиться каллиграфии и живописи.

Старейшина Ван был очень рад и напомнил им быть осторожнее на дороге, так как машин стало больше. Хань Цзэ с улыбкой кивнул и ушел вместе с Цинь Янем, а также с Фэн Каем и Чжан Чжао.

Когда они вернулись в жилой комплекс, уже стемнело. В последнее время Цинь Янь тоже жил в доме Хань Цзэ, так как не хотел расставаться с ним. Хань Цзэ понимал, что это было связано с его опасениями, что у него могут возникнуть отношения с Сяо Сяо.

Хань Цзэ не обращал внимания на ревность Цинь Яня, продолжая жить так, как ему нравилось. Он уже решил для себя, что, как бы сложно ни было, он всегда будет рядом с Цинь Янем. В отличие от него, Цинь Янь, казалось, ценил эту редкую возможность перерождения еще больше и ни за что не отпустил бы его.

После ужина они сели за стол делать домашнее задание. Заданий было немного, и они быстро справились. Когда они закончили, к ним подошел Сяо Сяо, который уже давно ждал, и с надутым губами сказал:

— Братик, я сонный, хочу спать.

Хань Цзэ посмотрел на часы в гостиной и увидел, что уже почти восемь. Он стал уговаривать Сяо Сяо:

— Сяо Сяо, хороший мальчик, иди купаться. Я скоро приду уложить тебя спать. И не забудь почистить зубы.

Сяо Сяо кивнул, потирая глаза, и поднялся наверх.

Цинь Янь с холодным выражением лица сказал:

— Ты прямо как его отец. О всем заботишься.

Хань Мэйцзы, которая в гостиной смотрела телевизор и взяла шарф для Хань Цзэ, услышав слова Цинь Яня, не сдержала смеха:

— Этот ребенок действительно похож на то, что сказал Янь. Сяо Сяо воспринимает Сяо Цзэ как папу и слушается его во всем. Это так забавно.

Бабушка Хань, услышав это, улыбнулась:

— Конечно. Когда тебя нет дома, ты не видишь, как Сяо Сяо выполняет все, что скажет Сяо Цзэ. Его слова — закон.

Слова бабушки и Хань Мэйцзы дошли до ушей Хань Цзэ и Цинь Яня. Они переглянулись, но

ничего не сказали. У них были свои причины, но их сочувствие к Сяо Сяо было искренним.

Поднявшись наверх, они увидели, что Сяо Сяо уже умылся и готов ко сну. Хань Цзэ уложил сонного мальчика в кровать, укрыл его и похлопал по плечу. Сяо Сяо мгновенно закрыл глаза и уснул.

Хань Цзэ покачал головой и обернулся, увидев, что Цинь Янь пристально смотрит на него. Прежде чем он успел что-то сказать, Цинь Янь обнял его и поцеловал:

— Сяо Цзэ, когда мы вырастем, давай заведем своих детей.

Хань Цзэ посмотрел на него и сказал:

— Как? Ты что, собираешься их рожать?

...

В шутках Хань Цзэ над Цинь Янем они начали обсуждать свои планы на будущее. В итоге Хань Цзэ решил, что займется бизнесом.

Цинь Янь до сих пор не говорил о своих целях, но помогал Хань Цзэ во всем. Его амбиции были велики: он хотел иметь вес в семье, чтобы в будущем его слово имело значение, и заложить фундамент для того, чтобы держать спину прямо.

Цинь Янь выслушал его, кивнул и сказал:

— На самом деле, я изначально хотел пойти в политику, но если ты хочешь, чтобы я был с тобой в этом, то так и будет. Завтра я поеду домой, чтобы напомнить о себе.

Хань Цзэ кивнул, разделся и лег, поправляя одеяло рядом с Сяо Сяо. Но прежде чем он успел лечь, Цинь Янь обнял его и произнес:

— Я решил, что у нас не будет детей. Иначе ты все внимание уделишь им, а это недопустимо. Нет, абсолютно нет.

Хань Цзэ закатил глаза:

— Ты меняешься слишком быстро. Ты даже не знаешь, где твой сын. Ты слишком много думаешь.

Цинь Янь поцеловал его в голову:

— Я думал, что нашим главным препятствием будет то, что наши семьи будут беспокоиться, что у нас не будет наследников, и в старости нам некому будет нас поднять. Поэтому я хотел через пару лет найти суррогатную мать и завести детей. Но теперь, видя, как ты заботишься о Сяо Сяо, я серьезно сомневаюсь, не забудешь ли ты меня, мужа, когда у нас появятся дети?

Хань Цзэ не смог сдержать смеха, и его смех становился все громче:

— Ты... ты, конечно, выдумщик. Много ты думаешь. Ты и не подумай, есть ли в нашей эпохе технология суррогатного материнства? Ты... действительно много фантазируешь.

Услышав насмешки Хань Цзэ, Цинь Янь мгновенно перевернул его и прижал к кровати:

— Ты смеешься так говорить о своем муже? Похоже, ты не хочешь, чтобы все было хорошо?

С этими словами он начал целовать Хань Цзэ и щекотать его.

У Хань Цзэ было одно фатальное слабое место: он боялся щекотки. В прошлой жизни Цинь Янь уже хорошенько его «порол» за это. Увидев этот прием в этой жизни, Хань Цзэ поспешно начал извиняться:

— Брат Янь, брат Янь, я ошибся, я ошибся! Прости,пусти!

Он смеялся, но старался не шуметь, боясь разбудить рядом спящего Сяо Сяо.

Цинь Янь знал эту его особенность и отпустил его. В конце концов, они были всего лишь детьми и не могли сделать ничего серьезного. Они легли в постель, болтая о разном, и сами не заметили, как уснули.

Надо сказать, если бы в этот момент мимо прошел взрослый и услышал их разговор, он бы точно был шокирован!

<http://bllate.org/book/16662/1527570>